

Протоиерей Борис Даниленко (Москва)

И.А. Гарднер и его «Письма из Подкарпатской Руси»

В своем обзоре жизни русского зарубежья П.Е. Ковалевский, говоря о православных братствах, появившихся в 20-е годы прошлого века в Европе за пределами советской России, вторым из пяти, после основанного в Париже в 1921 году братства святого Александра Невского, упоминает «братство преподобного Иова Почаевского, устроенное в Ладомирове на Карпатах»¹. Следует заметить, что в отличие от других центров, сплотивших православных выходцев из бывшей Российской Империи, созданных в европейских столицах, прежде всего в Париже, Берлине, Праге и Белграде, Ладомировское братство возникло в сельской тиши в достаточной удаленности от больших городов. Даже в наше время место на территории Словакии, где развернулась его деятельность, оставившая заметный след в первую очередь в истории православного книгоиздательства на русском и церковнославянском языках², представляется «глубинкой», затерявшейся на просторах современной Европы.

Своего рода эстетическим открытием этого края стали организованная известным деятелем русского зарубежья Сергеем Маковским в 1922 году в Праге выставка *Искусство и быт Подкарпатской Руси* и выпущенная тогда же издательством *Пламя* (Прага) на трех языках – русском, чешском и французском – его книга *Народное искусство Подкарпатской Руси*³.

Восточная часть Чехословацкой Республики (до ее ликвидации по Мюнхенскому соглашению в 1938 году) включала области, относящиеся в наше время к Словакии и Украине.

---

¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Paris: Librairie des cinq continents, 1971. – С. 204-205.

² Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 277-292; Колупаев В.Е. Православная книга русского зарубежья первой половины XX века: из истории тип. братства Иова Почаевского, Волынь – Карпаты, 1903-1944. – М.: Пашков дом, 2010. – С. 97-268.

³ Маковский С.К. Портреты современников. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. – С. 412-413.

При этом западная их часть на территории современной Словакии (Прешовский край) иногда именовалась Пряшевская Русь, а восточная – Подкарпатская Русь. После Второй мировой войны в советской полит-географической терминологии последней, как вошедшей в состав советской Украины в 1945 году, было усвоено наименование «Закарпатье» (в наше время – Закарпатская область Украины). В первой половине XX века население этих областей было весьма разнород-

Пряшевская и Подкарпатская Русь на карте современной Европы

ным в национальном отношении, заметную его часть составляли русины (рутэны) или карпатороссы (карпаторуссы), многие из которых, будучи греко-католиками по рождению, сознательно приняли православие. Традиционно вплоть до начала XX века само-наименование «капаторуссы» воспринималось многими как «общее название для всего русского народа в Карпатах, в пределах Галичины, Буковины и Венгрии»⁴, русинский же язык, относимый в наше время к восточнославянским языкам, представлялся близким к русскому, зачастую, даже более, чем украинский. Одной из причин такой «понятности» языка карпатороссов являлось обилие в нем церковнославянизмов.

Интерес к миссионерской и издательской работе, организованной Ладомировским братством, своеобразии культурного и религиозного уклада жизни карпатороссов, кажущаяся или реальная близость русинского наречия к русскому языку, а главное – поиски *Святой Руси* заставили молодого преподавателя Цетинской духовной семинарии И.А. Гарднера (1898-1984), навсегда покинувшего Россию осенью 1920 года, воспользовавшись *каникулярными вакациями*, совершить путешествие на Подкарпатскую Русь. Его очерки *Письма из Подкарпатской Руси*,

⁴ [Половинкин И.Н.] Капаторуссы // Энциклопедический словарь. – СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1895. – Т. 14а. – С. 577.

возникшие как результат первого посещения Ладомировой⁵, ее окрестностей и собственно Подкарпатской Руси летом 1930 года, а затем и четырехлетнего⁶ пребывания там в период с 1931 по 1938 год, являются уникальной иллюстрацией прежде всего истории религиозной жизни выходцев из России, оказавшихся на чужбине в среде неожиданно восприимчивой к православной религиозной традиции. Кроме того, очерки содержат материал, касающийся обычаев и нравов народов, населявших до Второй мировой войны территории нынешних Словакии и Украины, наблюдения, относящиеся к этнолингвистическому анализу ситуации на Карпатах, ценнейшие факты и биографические данные, относящиеся к истории русского рассеяния XX века. Необходимо отметить, что И.А. Гарднер, наделенный многими талантами, с исключительным изяществом владел пером публициста. В этом отношении *Письма из Подкарпатской Руси*, представляются необходимым дополнением к его изданным работам, даже неполный библиографический список которых превосходит пять сотен наименований. В настоящей публикации текст *Писем* приводится в современной орфографии по подготовленному нами к печати предварительному макету его предполагаемого издания, исходным материалом для которого послужила машинопись, выполненная самим автором.

В свое время отмечалось, что для создания исчерпывающей биографии И.А. Гарднера необходимо привлечь весь материал, относящийся к его наследию, в том числе хранящийся в церковных и личных архивах Германии, России и США. Начальный этап в этом направлении был пройден нами благодаря систематической работе, начатой с 2006 года, с материалами личного архива И.А. Гарднера, хранящегося в библиотеке Бенедиктинского аббатства Нидералтайх (Benediktinerabtei Niederaltaich) в Нижней Баварии. Очерк жизни, автобиографические записи, *Библиография прижизненных публикаций научных работ, статей и заметок, Фотография прижизненных изданий духовно-хоровых произведений, Перечень духовно-музыкальных произведений для хора* И.А. Гарднера, а также часть его эпистолярного наследия и ряд биографических материалов были изданы нами в 2008 году⁷. Отсылая всех интересующихся деталями биографии И.А. Гарднера к этому изданию дадим лишь краткое начертание основных вех его жизненного пути.

* * *

Иван Алексеевич Гарднер родился 9 декабря по ст. ст. 1898 года в Севастополе. Как он сам замечал, его «гражданская» дата рождения – 22 декабря – указана неверно⁸, так как чиновник, выписывавший в Константинополе в 1919 году ему «вид на жительство» не знал, что разница между юлианским календарем, употреблявшимся в России до 1917 года, и григорианским, по которому жила Европа, составляла в XIX веке не 13, как в XX, а 12 дней. Его родители Алексей Павлович Гарднер, совладелец известного в России фарфорового завода, бывший «членом дворянской опеки, председателем в Предводительстве дворянства Дмитровского уезда и гласным Московской городской Думы»⁹, и Анна Андреевна Львова¹⁰, дочь крупного помещика и владельца

⁵ Варианты наименования селения Ladomirová (словац.), называемого И.А. Гарднером селом, по-русски: Ладомирово, Ладомирова, Владимирово, Владимирова. В выходных данных книг и брошюр, изданных в типографии Братства преподобного Иова Почаевского, в качестве места издания обычно указывалось название – *Владимирова*.

⁶ С момента переезда из Цетинья на Подкарпатскую Русь в 1931 году до отъезда на Святую Землю в 1934 году и с момента возвращения из Палестины в 1937 году до назначения в Вену в 1938 году.

⁷ *Материалы*. См. рецензию на это издание: Hannick Christian. Johann von Gardner: Eine grundlegende Publikation zu Leben und Werk des Erforschers des russischen Kirchengesangs // *Ostkirchliche Studien*. – 2008. – Bd. 57. S. 355-366.

⁸ Именно эта дата высечена на каменном надгробии И.А. Гарднера на Waldfriedhof в Мюнхене.

⁹ *Материалы*. С. 140.

сахарного завода в Черниговской губернии¹¹, вступившие в брак 30 июля 1889 года¹² в Москве, разошлись незадолго до рождения сына. Как писал сам Иван Алексеевич, «после смерти... отца (трагически умер, я его едва помню)»¹³ они жили с матерью в Москве. В первые годы жизни воспитанием маленького Вани занималась подруга матери Надежда Михайловна Тумилло-Денисович (урожденная Сокорева), жившая после распада своего неудачного брака в семье Гарднеров. Впоследствии она поселилась при Оптиной пустыни, окормлялась духовно у преподобного Анатолия Оптинского (Потапова), а затем – скорее всего в 1931 году – приняла монашеский постриг с именем Ефросиния. Ее религиозное влияние на И.А. Гарднера в его детские годы имело огромное значение.

В первые годы жизни И.А. Гарднер получал исключительно домашнее образование, основой которого были занятия французским языком и музыкой. Лишь с 1 сентября 1911 года он начал обучение в 3-м классе Московского Императорского лицея Цесаревича Николая¹⁴, которое продолжалось до 1914 года. Живя в Москве, Иван Гарднер проявил серьезный интерес к богослужебному пению. Посещая храмы первопрестольной, юноша обращал внимание на многообразие музыкальных стилей и направлений, соседствовавших в литургической практике московских церквей и обителей. Традиции Синодального хора, старообрядческая певческая практика, греческое и, конечно, обиходное пение приходских церквей стали предметом его юношеских наблюдений и изысканий. В каникулярное время летом 1914 года он стал слушателем Летних регентско-учительских курсов, учрежденных при музыкальном училище Е.М. Самойловой в Севастополе, аттестат об окончании которых бережно хранился им в последующие годы. Свою первую хоровую гармонизацию И.А. Гарднер сделал для чина в неделю Православия в 1917 году в Севастополе.

С 1914 года Анна Андреевна долго не могла принять решения относительно избрания постоянного места жительства для себя и сына. Летом 1915 года предпочтение было отдано Севастополю. Гарднеры окончательно переезжают из Москвы в Крым. В этом же году по благословению архиепископа Димитрия (князя Абашидзе)¹⁵, занимавшего в то время Херсонскую и Таврическую кафедру, Иван Гарднер готовился к поступлению в Таврическую духовную семинарию, находившуюся в Симферополе. Однако, из-за объявления учета лиц, родившихся в 1898 году, для прохождения воинской повинности, он не был допущен к сдаче вступительных экзаменов. В конце ноября 1915 года он поступил в 5-й класс Севастопольского коммерческого училища, учеба в котором продолжалась со значительными перерывами и увенчалась сдачей итоговых экзаменов в апреле-мае 1920 года с последующим получением свидетельства об окончании 7-го выпускного класса лишь через полгода.

Революционные события встретили И.А. Гарднера и его мать в Крыму. В начале 1918 года из-за боязни всеобщей мобилизации они отправляются в почти полугодовые скитания – посещают Москву, Нижний Новгород, Казань, Чистополь, Воронеж, Харьков и возвращаются в конце лета в

¹⁰ Указана фамилия в девичестве. Анна Андреевна покинула Советский Союз после 1934 года и провела последние годы жизни в Швейцарии, где скончалась в 1942 году в возрасте 77 лет.

¹¹ *Материалы*. С. 151.

¹² См. рукописные воспоминания И.А. Гарднера, озаглавленные им «Море житейское», хранящиеся в библиотеке аббатства Нидералтайх. – Т. 3. Кн. 3. С. 588. Далее указания на этот источник даются по его наименованию – *Море житейское*.

¹³ *Материалы*. С. 164.

¹⁴ Одно из образцовых гуманитарных учебных заведений дореволюционной России, давшее образование и воспитание целой плеяде известных ученых, государственных деятелей, литераторов, часто именовалось *Катковский лицей*, по имени своего основателя литературного критика, публициста и издателя М.Н. Каткова (1818-1887).

¹⁵ После принятия схимы – схиархиепископ Антоний (1867-1942); прославлен в лике святых Украинской Православной Церковью в 2011 году.

Крым, занятый в то время немецкими войсками, а затем перешедший в руки «союзников». Во время этого путешествия, названного И.А. Гарднером *одиссеей*, они посещают известные монашеские обители – Оптину пустынь, Чудов монастырь, Троице-Сергиеву Лавру и находившийся неподалеку от нее Гефсиманский скит.

В начале 1919 года И.А. Гарднер увлекается зарождавшимся тогда скаутским движением. С момента поставления во епископы бывшего ректора Таврической семинарии в Симферополе архимандрита Вениамина (Федченкова)¹⁶ в феврале 1919 года он исполняет обязанности его старшего иподиакона. В августе 1919 года епископом Вениамином Иван Алексеевич был посвящен во чтецы. После вступления в Крым Добровольческой армии преосвященный Вениамин становится *Управляющим военным и морским духовенством Вооруженных сил юга России*¹⁷, а И.А. Гарднер получает при нем должность «чиновника для особых поручений». 13 ноября (31 октября ст. ст.) 1920 года во время эвакуации остатков Добровольческой армии вместе с владыкой Вениамином И.А. Гарднер покидает Крым на военном корабле «Алексеев».

Полгода И.А. Гарднер проводит в Константинополе, совмещая обязанности «чиновника и переводчика» епископа Вениамина с ежедневной работой в канцелярии *Высшего русского церковного управления за границей*. С 5 июня до начала зимы 1921 года он находится на греческом о. Лемнос, названном им «островом добровольных русских изгнанников», откуда отбывает в Бургас (Болгария); в конце года возглавляет отряд русских скаутов в Варне; после получения югославской визы 23 мая 1922 года пребывает в Белград. С сентября 1922 года по август 1926 года И.А. Гарднер обучается на Богословском факультете Белградского университета, затем готовит дипломную работу, которую защищает 29 февраля 1928 года. По свидетельству самого Ивана Алексеевича он работал над диссертацией на степень доктора богословия Белградского университета. Тема этой работы была связана с историей чина *побратимства* или *братотворения* и носила название «Побратимство как церковное чинопоследование». Сохранился машинописный вариант очерка с таким же названием, подготовленный автором для публикации на русском языке¹⁸. Преподавателями И.А. Гарднера наряду с сербскими профессорами были известные в дореволюционной России проф. Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский (1863-1937) и проф. Новороссийского университета А.П. Доброклонский (1856-1937). Сильное влияние на становление научных интересов И.А. Гарднера имел архиепископ Гавриил (Чепур, 1874-1933), знаток устава, истории богослужения и практик церковного пения. Во время последнего (8-го) семестра И.А. Гарднер особо сблизился с ним, когда тот читал дополнительный курс лекций на богословском факультете Белградского университета. В воспоминаниях Ивана Алексеевича есть такие слова:

«Владыка Гавриил во многом определил дальнейший ход моей работы в литургической области; он обратил мое внимание на экзегетику богослужебного материала, чем я впоследствии довольно усердно занимался»¹⁹.

С 1927 года, не без влияния владыки Гавриила, И.А. Гарднер стал регулярно заниматься музыкальной композицией.

После назначения К.Э. Керна²⁰, исполнявшего обязанности алтарника и псаломщика в русском храме в Белграде, преподавателем в Битольскую семинарию, И.А. Гарднер становится его преемником и остается им до 1928 года. Наряду с церковным служением и занятиями церковной

¹⁶ Впоследствии – митрополит Саратовский и Балашевский Вениамин (1880-1961).

¹⁷ С мая 1920 года – *епископ армии и флота Русской армии*.

¹⁸ Экземпляр, хранящийся в библиотеке аббатства Нидералтайх, представляет машинописную перепечатку этого очерка, сделанную после 1960 года и подписанную: «И. Гарднер. Г. Хуст. 9-ХП-1931 г.».

¹⁹ *Море житейское*. Т. 2. С. 823.

²⁰ Впоследствии – архимандрит Киприан (1899-1960).

наукой Иван Алексеевич увлекается театром, и даже участвует в спектаклях в качестве статиста. Во время обучения на богословском факультете он много путешествует по сербским монастырям, при этом занимается фотографией – это увлечение сопровождало его многие годы. В 1926 году И.А. Гарднер вместе с однокашниками совершил паломническое путешествие на Афон. Впечатления от путешествия, отличающиеся «фотографичностью» повествования, он записал в составе своих воспоминаний²¹. Позднее *Афон* был напечатан на страницах журнала *Жар-Птица*²². Учасье на старших курсах Богословского факультета И.А. Гарднер начал лекционную деятельность, связанную с историей церковных древностей – иконографией, церковной архитектурой и богослужебным пением. Материалы о сделанных им докладах в виде публикаций за подписью *Православный* печатались в выходившей в Белграде русской газете *Новое время*²³.

1 мая 1928 года И.А. Гарднер получает назначение Министерства вероисповеданий Королевства сербов, хорватов и словенцев в Цетинскую семинарию, должность преподавателя которой он фактически занимает до 7 апреля (25 марта ст. ст.) 1931 года. Наряду с учебной работой в русских белградских изданиях И.А. Гарднер продолжает публикацию своих статей, в основном относящихся к истории и практике богослужебного пения. На ряд из них появляются отклики в печати²⁴.

20 июня 1930 года в каникулярное время, прислушавшись к советам своих бывших однокашников по Белградскому университету и своих учеников по Цетинской семинарии, И.А. Гарднер из Черногории отправляется путешествовать в Карпаты, а 24 августа из города Хуста отправляется в обратный путь, чтобы успеть вернуться к началу учебного года. Результатом такого краткого двухмесячного пребывания на Пряшевской и Подкарпатской Руси стали не только «путевые» очерки-письма, но и решение о своем дальнейшем служении Церкви в монашеском чине. После возвращения в Цетинье И.А. Гарднер обращается к экзарху Карпатской Руси епископу Битольскому Иосифу (Цвиевичу)²⁵ с просьбой²⁶ о вступлении в клир Карпаторусской Мукачевской епархии Сербской Православной Церкви, на которую получает «официальную бумагу на бланке»²⁷ с указанием на возможность принятия его в число клириков епархии. По предоставлении исходатайствованного епископом Иосифом «министерского» шестимесячного отпуска в Цетинской семинарии, 7 апреля он вновь отправляется в Карпаты и прибывает в Хуст 10 апреля 1931 года, а с 15 апреля становится чиновником Мукачевского епархиального управления, находившегося в селе Иза, расположенном в 5 километрах от Хуста. 24 (11 ст. ст.) апреля 1931 года в Свято-Николаевском общежительном монастыре, находящемся к востоку от Изы, И.А. Гарднер принимает монашество²⁸. Совершивший постриг настоятель монастыря

²¹ *Море житейское*. Т. 3. С. 1-168.

²² *Материалы*. С. 52, 54-56. См. также новое переиздание: *Гарднер И.А.* Афон. Впечатления и воспоминания. – Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2011.

²³ № 2105 от 10 мая и № 2143 от 26 июня за 1928 год.

²⁴ *А. Никольский*. Библиография. [Заметка посвящена выходу в свет «Русского хорового сборника» (Прага: Издание общестуденческого русского хора имени А.А. Архангельского, 1930. Вып. 1. 81 с. Упомянута заметка Н.А. Гарднера (sic) «Архангельский, как духовный композитор», вошедшая в издание] // *ЦВ*. – 1931. – № 142 (9 апреля). – С. 5; *Н[икольский] А. И.* Гарднер. Забытое богатство (о пении на подобен). Варшава. Синодальная типография. 1930 г. 32 стр. // *ЦВ*. – 1931. – № 249 (11 октября). – [Рецензия]. С.3.

²⁵ Экзархат Карпатской Руси Сербской Православной Церкви, просуществовал, по всей видимости, около года после назначения епископа Битольского Иосифа на Подкарпатскую Русь (см.: Епископ Иосиф Битольский – экзарх Карпатской Руси / Б. п. // *ЦВ*. – 1930. – № 122 (14 дек.). – С. 1) до поставления правящего епископа Пряшевско-Мукачевской епархии Сербской Православной Церкви (см.: Хиротония епископа Прикарпатской Руси / Б. п. // *ЦВ*. – 1931. – № 257 (6 дек.). – С. 2.). См. также Восстановление Карпаторусской Православной Епархии Мукачевской / *Корресп.* «Царского вестника» // *ЦВ*. – 1931. – № 238 (19 авг.). – С. 2.

²⁶ Письмо от 20 февраля 1931 года. – *Море житейское*. Т. 4. С. 691.

²⁷ Ответ епископа Иосифа за № 956 от 7(20) марта 1931 года. – *Море житейское*. Т. 4. С. 691.

²⁸ Пострижение профессора И.А. Гарднера / Б. п. // *ПКР*. – 1931. – № 10 (15 мая). – С. 3.

архимандрит Матфей (Вакаров, 1888-1953) нарек его Филиппом в честь святителя Филиппа, митрополита Московского²⁹. На следующий день в субботу 25 (12 ст. ст.) апреля 1931 года за божественной литургией в Хусте епископом Иосифом он был рукоположен во иеродиакона³⁰. Дату и место рукоположения его во пресвитера нам не удалось установить. Но уже в подписи под опубликованной им в газете *Православная Карпатская Русь* за 15 июля 1931 года статьей он именуется иеромонахом³¹. Кроме того, важным указанием на временные границы пресвитерской хиротонии, является свидетельство самого автора *Писем*, из которого следует, что уже в мае он был священником:

«Через несколько дней после того, как меня рукоположили во иеромонаха, меня послали временно замещать настоятеля в Ребрин до конца августа месяца, когда начинались занятия в хустской гимназии. Таким образом, я провел в Ребрине весь июнь, июль и первую половину августа» (л. 196-197).

Дальнейшее служение иеромонаха Филиппа проходит в православной гимназии и гимназическом интернате в Хусте. О его успехах на этом поприще говорится в ряде газетных публикаций того времени. В одной из них приводится такой рассказ о педагогической работе отца Филиппа:

«Во главе воспитательной части поставлен ученый богослов профессор иеромонах Филипп (Гарднер), который по доброй воле, чисто по идейным соображениям, покинул обеспеченное положение профессора одной из сербских семинарий, чтобы посвятить себя служению карпаторусскому народу... По его почину... вся жизнь интерната пропитана духовной атмосферой, не говоря уже о внешнем образцовом порядке. ...После краткого отдыха готовят в той же трапезе уроки, в присутствии, опять-таки, о. Филиппа, а вечером о. Филипп рассказывает своим питомцам о русском народе о его славной истории, о великих русских людях. Дети приучаются к литературному русскому языку, на котором они стараются говорить между собой, и этим значительно парализуется влияние украинской гимназии в Хусте, где по какой-то «высшей политике» несчастных русских хлопцев стараются переделать на украинцев, и в отношении униатских детей, в сем уже значительно преуспели. В заключении скажу, что о. Филиппом организован из воспитанников интерната очень приличный хор, который, не смотря на свое краткое существование, исполняет уже серьезные концертные вещи таких трудных духовных композиторов, как Чесноков, Бортнянский и пр. Со своим хором о. Филипп занимается также гармонизацией старинных карпаторусских распевов»³².

Но не только официальные церковные издания запечатлели след деятельности молодого пастыря. Память бывших учеников надолго сохранила образ их ревностного законоучителя и духовного наставника. По прошествии многих лет ныне здравствующий проф. С.М. Стойко, один из тех, кто обучался в гимназии у отца Филиппа в начале 30-х годов, вспоминал о его педагогических трудах в Хусте:

²⁹ Рассказом о последних минутах перед постригом заканчиваются воспоминания И.А. Гарднера – *Море житейское*. Т. 4. С. 739-740.

³⁰ Иеродиакон Филипп / Б.п. // *ЦВ*. – № 150 (7 мая). – С. 3.

³¹ О нашей духовной школе. (Окончание. Начало см. в пред. №) / Проф. иером. Филипп (Гарднер). // *ПКР*. – 1931. – № 14 (15 июля). – С. 2. Начало публикации в № 13 от 1 июля (с. 2-3) не имеет подписи.

³² В православн[ом] Епархиальном интернате в Хусте / И[ермонах] Серафим. // *ПКР*. – 1932. – № 7 (31 апр.). – С. 3. См. так же: В епархиальном интернате в Хусте / Б. п. // *ПКР*. – 1933. – № 13-14. Здесь и далее в цитатах текст приводится без разбиения на абзацы.

«Отец Филипп (так мы к нему обращались) был для нас, гимназистов, символом священнослужителя... Жил отец Филипп в здании интерната в небольшой комнатке, в углу которой перед иконой Божией Матери всегда горела лампада... [он] грустно рассказывал нам... о большевицкой революции и трагедии народов России, особенно о трагедии интеллигенции, о преследовании религии и массовых арестах священнослужителей. Сам он в эмиграции политической деятельностью не занимался... Знаток античных языков, отец Филипп, любезно помогал нам в переводах произведений Овидия, Вергилия, Плиния, Тита Лукреция Кара и других классиков. В интернате была старая фисгармония. На которой наш духовный наставник часто исполнял церковные мелодии, а иногда старые русские песни... После освоения нами основ нотной азбуки отец Филипп решил создать хор при Св.-Благовещенской церкви. Я помню восхищение прихожан, когда наш хор впервые пел в храме на литургии... Периодически отец Филипп сам служил литургию, и я, и мои друзья помогали ему как поддиаконы. Мне запомнились глубоко религиозные проповеди отца Филиппа в храме. Такими же содержательными были его уроки Закона Божьего в хустской гимназии»³³.

Следует заметить, что иеромонах Филипп не ограничивал свою пастырскую работу лишь педагогической сферой. В круг его попечений входило и служение в местной тюремной часовне. Тот же ученик отца Филиппа вспоминал об этом:

«Хорошо сохранилось в моей памяти еще одно обстоятельство – служение литургии в здании хустской тюрьмы, построенной чехословацким Министерством юстиции. В тюремном здании на втором этаже была каплица, в которой по воскресеньям по очереди служили православный и греко-католический священники, поскольку осужденные принадлежали преимущественно к этим конфессиям. В качестве поддиакона я периодически сопровождал отца Филиппа в тюремную каплицу для исполнения литургии. Я помню, с каким благоговением слушали заключенные его проповеди о грехопадении, прощении грехов и Господнем помиловании»³⁴.

Однако, несмотря на заслуженную любовь со стороны своей паствы, не довольствуясь своим положением, иеромонах Филипп рассматривает варианты перехода из юрисдикции Сербского Патриарха под омофор одного из русских иерархов в Европе. Материалы переписки 1933 и 1934 годов, хранящиеся в Нидералтайхе, говорят о поисках такой смены юрисдикции. Уже в начале 1934 года иеромонах Филипп начинает оформление необходимых документов для отправки в Палестину в качестве насельника Русской духовной миссии, находившейся в непосредственном подчинении митрополита Анастасия (Грибановского, 1873-1965) и управлявшейся архимандритом Антонием (Синькевичем, 1903-1996)³⁵. Последний был однокашником отца Филиппа по богословскому факультету в Белграде и небезосновательно, зная его литературные способности, связывал с ним возможность организации издания журнала *Святая Земля*³⁶, необходимого для популяризации Миссии в русском рассеянии. Летом 1934 года иеромонах Филипп покидает Подкарпатскую Русь и становится насельником Русской духовной миссии в Иерусалиме.

³³ Стойко С.М. О церковно-педагогической деятельности иеромонаха Филиппа (Гарднера) в Закарпатье. Воспоминания воспитанника-гимназиста // Русское зарубежье: музыка и православие: Международная научная конференция, Москва, 17-19 сентября 2008 г. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: ВИКМО-М, 2013. – С. 546-547.

³⁴ Там же. С. 548.

³⁵ Впоследствии – архиепископ Лос-Анджелесский и Южно-Калифорнийский.

³⁶ Электронное переиздание выходявшего с 1934 по 1940 год журнала *Святая Земля* на DVD осуществлено в 2010 году совместно Русской Духовной миссией в Иерусалиме, Елеонским Спасо-Вознесенским монастырем и московским издательством «Индрик».

Прибыв в Палестину, отец Филипп посвятил все свои силы редакционно-издательской работе. 1-й номер журнала *Святая Земля* к тому времени уже увидел свет, а подготовка следующих велась при его непосредственном участии. За время работы в Миссии он не только опубликовал на страницах журнала более 20 собственных статей³⁷, но и подготовил большинство материалов, публиковавшихся от имени редакции. Кроме того, им была проведена колоссальная работа, связанная с организацией подписки на журнал в самых разных точках на карте мира, где только находились его потенциальные читатели – клирики и прихожане русских православных храмов. В то время иеромонахом Филиппом были составлены две службы – *святой праведной Тавифе* и *святым Праотцам, в Хевроне почивающим*. Последняя была напечатана в № 5 журнала *Святая Земля* за 1939 год³⁸. В июне-июле 1936 года в бытность свою членом Русской духовной миссии в Палестине он предпринимает, предварительно связавшись с протоиереем Михаилом Польским (1891-1960)³⁹, настоятелем русского храма в Бейруте, путешествие по Ливану и Сирии, результатом чего стал пространный очерк, печатавшийся в газете *Русский народный голос*⁴⁰. Его машинописный вариант был перепечатан автором в Вене в 1940 году⁴¹.

Самым значительным делом во время пребывания иеромонаха Филиппа в Палестине стали перевод с греческого и подготовка к изданию церковнославянского текста литургии апостола Иакова. Как для любого выходца из православной России служение литургии апостола Иакова для иеромонаха Филиппа оказалось новостью. Несомненно, особое почитание апостола Иакова как первого епископа Иерусалима заставило его обратить особое внимание на этот малоизвестный чин. Говорить о времени начала переводческой работы, так же, как и о греческом тексте литургии апостола Иакова, взятом за основу для перевода, выпущенного в свет стараниями уже игумена Филиппа (Гарднера) в Ладомировой 9 августа (27 июля ст. ст.) 1938 года, следует отдельно. Заметим лишь, что после возвращения в Карпаты летом 1937 года иеромонах Филипп занимался подготовкой издания литургии апостола Иакова. Но еще до осуществления этого издания она была совершена им самим 31 января (18 ст. ст.) 1938 года в Белграде в русском Троицком храме в присутствии митрополита Анастасия (Грибановского), архиепископа Нестора (Анисимова, 1885-1962), епископа Алексия (Пантелеева, 1874-1948) и епископа Иоанна (Максимовича, 1896-1966)⁴². Сохранился служебник игумена Филиппа, по которому он впоследствии совершал литургию апостола Иакова; кроме упомянутой службы в Белграде на обороте обложки этого служебника обозначены и две другие даты совершения литургии – 27 июля 1938 года (Ладомирова) и 9 августа (Сремски-Карловцы)⁴³. Известно, что уже будучи епископом он служил литургию апостола Иакова в Воскресенском соборе Берлина в среду 2 сентября 1942 года⁴⁴. В подготовленном игуменом Филиппом издании «в выходных данных» упомянут он сам, а также его карпаторосские сотрудники, выполнявшие весь комплекс полиграфических работ, связанных с выпуском чинопоследования:

³⁷ См. *Материалы*. С. 45-48.

³⁸ См. *Материалы*. С. 48.

³⁹ Прот. Михаил Польский, автор известной книги *Новые мученики российские* (Т. 1. – Джорданвилль, 1949; Т. 2. – Джорданвилль, 1957), отбывал с 1923 года заключение в Соловецком лагере особого назначения, а затем, с 1929 года – ссылку в Усть-Сысольске (ныне – Сыктывкар, столица республики Коми в составе Российской Федерации). После своего удивительного бегства в 1930 году сначала из ссылки, а затем из Советского Союза, оказался на Ближнем Востоке; с 1934 года был настоятелем русского храма в Бейруте.

⁴⁰ *РНГ*. – Ужгород, 1937. – № 100-111, 113-115, 120-127, 129-132, 137, 138, 140-153; 1938. – № 135-139, 141-147, 149-162, 169.

⁴¹ *Филипп (Гарднер), архим.* Путешествие по Ливану и Сирии: Наброски в записную книжку. – Вена, 1940. – [2], 237, [2] л. – [Машинопись].

⁴² *Божественная литургия*. Л. 36 об.

⁴³ Из личного собрания автора настоящей публикации.

⁴⁴ *Сообщения*. 20.09.1942. – С. 1-2.

«Преосвященные владыки и всечестные отцы, елижды бо аще служите по книзе сей, поминайте во святых молитвах ваших типографа священноархимандрита Серафима, переводчика, справщика и наборщика, священноигумена Филиппа, таже справщика священноигумена Савву, наборщики: Михаила (Савку-Канчугу), и Иосифа (Микитку), печатники: иеродиакона Антония, послушника Бориса, трудника Иоанна (Рошканина), изографа инока Киприана и переплетчика иеромонаха Филимона, потрудившихся в переводе и напечатании книги сея»⁴⁵.

Этот текст, отдающий дань скорее академической корректности по отношению к сотрудникам, нежели традиции церковнославянской печати, говорит об определенном душевном качестве игумена Филиппа – братолюбии.

В начале 1937 года иеромонах Филипп был награжден наперсным крестом⁴⁶. Между тем, отношения с начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме другом юности архимандритом Антонием испортились. Что послужило основанием для конфликта – можно лишь догадываться. Попытки митрополита Анастасия примирить бывших приятелей не имели успеха. В своем письме от 22 февраля 1937 года он писал иеромонаху Филиппу:

«Я очень огорчен, что мир, на который я надеялся, в Ваших отношениях с о. Антонием не восстановлен... Освободить от подчинения начальнику Миссии я, конечно, не могу Вас... вижу, что дальнейшая Ваша совместная служба с ним была бы отягчением для вас обоих и для нашей Миссии. Я позабочусь о том, как устроить Вашу судьбу иначе, но до того времени прошу Вас, насколько это будет зависеть от Вас самих, не создавать повода осложнений и не уклоняться от совместного служения, чтобы не соблазнять «малых сих»... Я не думаю, чтобы Вам нужно было возвращаться в Карпатскую Русь. Надеюсь, что для Вас найдем дело и в пределах нашей юрисдикции»⁴⁷.

Но уже в начале июня 1937 года иеромонах Филипп возвращается из Палестины именно в Карпаты. Причем его *исход* из Святой Земли был столь стремителен, что даже его личные вещи, в том числе и письма, ранние из которых относятся еще ко времени пребывания иеромонаха Филиппа в окрестностях Хуста, не были взяты при отъезде. Около 1960 года многое из принадлежавшего ему обнаружил в подвале Русской духовной миссии в Иерусалиме католический священник Алоис Дюзинг, окормлявший немецкие приходы на Ближнем Востоке. Получив этот запоздалый багаж, И.А. Гарднер, живший тогда в Мюнхене, одновременно был и удивлен, и обрадован. Больше всего радовался он письмам, адресатом которых он был с 1934 по 1937 годы. Эти письма, составившие впоследствии часть его собрания, были нами описаны и атрибутированы в 2009 году. Многие из них принадлежат православным иерархам и духовенству, русским педагогам, трудившимся в различных учебных заведениях довоенной Европы, а также ученикам и воспитанникам иеромонаха Филиппа.

Начиная с 1 января 1938 года иеромонах Филипп полтора месяца провел в Белграде, где был возведен в сан игумена, а в конце марта отправился в Ладомирову для издания на церковнославянском языке литургии апостола Иакова. Тогда же он назначается председателем редакционного комитета Братства преподобного Иова Почаевского во Владимировой. Весной 1938 года он становится настоятелем русского прихода в Вене и вскоре возводится в сан архимандрита, а затем весной 1942 года назначается настоятелем Воскресенского собора в

⁴⁵ *Божественная литургия*. Л. [2 об.].

⁴⁶ Об этом о. Филиппу сообщается в письме исполнявшего обязанности секретаря Синода Русской Зарубежной Церкви П.С. Лопухина от 29 января 1937 года.

⁴⁷ *Материалы*. С. 31.

Берлине. 14 июня 1942 года за воскресной литургией митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Ляде, 1883-1950), епископом Пражским Сергием (Королевым, 1881-1952), епископом Чешским и Моравско-Силезским Гораздом (Павликом, 1879-1942)⁴⁸ и епископом Венским Василием (Павловским, 1880-1945) над ним совершается епископская хиротония. С тех пор он – викарий митрополита Берлинского и Германского Серафима с титулом Потсдамский.

С этого времени до фактического снятия И.А. Гарднером с себя епископского сана в 1944 году⁴⁹ источники его биографии весьма скудны⁵⁰. Именно в этот период епископ Филипп был редактором издававшегося с разрешения властей Третьего Рейха бюллетеня *Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского*, возглавлявшего тогда Митрополичий Средне-Европейский округ Русской Православной Церкви Заграницей. Свет на события этого времени проливают заметки этого издания. Приведем некоторые из них в дополнение к упомянутому выше:

«20 ноября 1943 года еп. Филипп присутствовал на литургии, служившейся впервые целиком на немецком языке священником Павлом Хеке в храме св. Владимира... В ночь на 24 ноября [1943] во время вражеского налета на Берлин сгорела третья по счету квартира Преосвященного епископа Потсдамского Филиппа»⁵¹.

«Его Высокопреосвященство предоставил Преосвященному епископу Филиппу в виду его болезненного состояния отпуск от 1-го февраля до 15 марта с.г. [1944]. Временным председателем Духовного суда во время отсутствия Преосвященного епископа Филиппа назначен протоиерей Берлинского кафедр. собора о. А. Рымаренко»⁵².

«Определением Его Высокопреосвященства от 8 марта с.г. Преосвященному Филиппу, епископу Потсдамскому, викарию православной епархии в Германии, согласно прошению, отпуск по болезни продлен до 30 апреля с.г. [1944]»⁵³.

Говорить о деталях случившегося в дальнейшем можно лишь опираясь на устные свидетельства близких И.А. Гарднеру лиц. Для многих из них очевидным представляется то, что тяжелейшее душевное состояние, которое привело его к оставлению епископского служения и нарушению монашеских обетов, было связано не с гибелью имущества, а с позицией, занятой митрополитом Серафимом по отношению к властям Третьего Рейха⁵⁴. Выбор между *сопротивлением и покорностью* был сделан архимандритом, а затем епископом Филиппом еще

⁴⁸ Прославлен в лике святых, как новомученик – в 1961 году Сербской Православной Церковью, а в 1987 году – Чехословацкой Православной Церковью.

⁴⁹ Формально числился епископом Потсдамским вплоть до 1945 года – см. *Seide Georg. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland.* – München: Kyrill & Method Verlag, 1989. – S. 342. Официально Синодом Русской Православной Церкви Заграницей был лишен сана лишь в 1950 году.

⁵⁰ В письме Н.М. Зернову от 25 февраля 1975 года он писал: «Я буду Вам очень признателен, если Вы не будете упоминать о том, кем мне пришлось быть под началом митрополита Серафима (Альфреда Ляде) в Берлине, по его приказу; это был убежденный национал-социалист». – См. *Материалы.* С. 33.

⁵¹ *Сообщения.* – 20.12.1943. – С. 2.

⁵² *Сообщения.* – Feb. 1944. – С. 2.

⁵³ *Сообщения.* – März. 1944. – С. 2. В другом определении митрополита Серафима от того же дня сказано, что епископ Филипп освобождается от должности настоятеля кафедрального собора в Берлине.

⁵⁴ В своем письме И.А. Гарднеру от 11 апреля 1964 года археп. Аверкий (Таушев) писал: «Познакомившись потом ближе в Мюнхене с митрополитом Серафимом Берлинским и его окружением, понял, как и почему все это случилось с Вами. Действительно, можно было от общения с ним впасть в уныние! Большая была ошибка, что приняли обновленца в сущем сане и так его возвысили! Ведь он просился потом в Московскую патриархию, а там соглашались принять его только в пресвитерском сане, как архимандрита, не признавая его «епископства». А мы приняли!» Текст письма готовится к публикации.

задолго до начала массированных бомбардировок Берлина в 1943 году, и этот выбор оказался предтечей случившегося. По личному свидетельству родившегося 18 июня 1944 года Анатоля Гарднера, старшего сына И.А. Гарднера, его отец и мать⁵⁵ познакомились, спасаясь от авиационных налетов в одном из берлинских бункеров. После бегства «от наступающих советских войск» из Берлина в Вену, Gloggnitz⁵⁶, а затем на территорию «оккупированную» американскими войсками, будущие супруги осели в апреле 1945 года в Bad Reichenhall'e, маленьком немецком курортном городке на границе с Австрией, где в мае между ними был зарегистрирован брак.

Слухами земля полнится, поэтому, вскоре после произошедшего с епископом Филиппом в церковной среде без каких-либо объявлений о том в печати, многим стало известно, что он более не является служителем Церкви. Некоторые из знавших его просто констатировали в своих записях этот печальный факт. Так, П.Е. Ковалевский записал в своем дневнике:

«Суббота 7/20 октября 1945. ...Епископ Филипп Гарднер снял с себя сан и женился»⁵⁷.

Другие же, например, знавший И.А. Гарднера с юных лет архиепископ Аверкий (Таушев, 1906-1976), из-за отсутствия возможности личного или письменного общения с ним, воспринимали его как «Владыку»⁵⁸.

Перемены в жизни И.А. Гарднера, связанные с женитьбой, заставляли его искать средства к существованию. С рождением троих детей – Анатоля, Константина и Ангелины материальное положение И.А. Гарднера и его супруги оказалось еще более сложным. По близости от места жительства было несколько православных общин, в большинстве – на территории лагерей для «временно перемещенных лиц». По понятным причинам, с большим трудом Иван Алексеевич, хорошо известный в православных кругах, смог найти постоянное место регента не в православном храме, а лишь в возникшей на территории Австрии в Зальцбурге⁵⁹ в июле 1946 года общине русских католиков. О музыкальном уровне хора этой общины можно лишь догадываться. Вместе с тем, именно во время своего занятия регентским делом в Зальцбурге, а оно продолжалось около 10 лет – до 1954 года, И.А. Гарднер написал большую часть своих церковно-хоровых произведений. Постоянный, хотя и мизерный, заработок стал финансовой основой для существования его семьи. В это же время И.А. Гарднер нашел и работу редактора малотиражной газеты-листка *Луч*. Печаталась она на гектографе в Зальцбурге по адресу Salzburg (Österreich), Gaisbergstrasse, 9. Нам удалось разыскать лишь один выпуск этого издания. По свидетельству его бывших читателей, этот ежедневный листок являлся печатным пересказом на русском языке материалов – в основном новостей – из немецких и англоязычных газет. Такое издание предназначалось, скорее всего, для выходцев из бывшего Советского Союза, оказавшихся после Второй мировой войны в районе Зальцбурга на «союзнической» территории, и не владевших ни немецким, ни английским языками. По всей видимости, газета издавалась по инициативе и на средства военной администрации, а ее единственный редактор и автор, кроме скромного заработка мог дополнять ее нотными приложениями песнопений для церковного хора. И.А. Гарднер тщательно хранил эти приложения и даже составил из их копий сборник, изданный на ротаторе

⁵⁵ Helga Firzlaff (1921-2010).

⁵⁶ Gloggnitz – городок между Веной и Линцем в федеральной земле Нижняя Австрия.

⁵⁷ Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937-1948 годов / Составитель, автор предисловия и примечаний Николай Росс. – Нижний Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2014. – С. 431-432.

⁵⁸ Письмо архимандрита Аверкия (Таушева) И.А. Гарднеру от 11 марта 1950 года. Текст письма готовится к публикации.

⁵⁹ Расстояние «по прямой» – около 17 км. Время следования на поезде в наши дни – около 35 минут, в середине 40-х – начале 50-х годов прошлого века – около 45 минут.

под заглавием *Мои произведения*. В 1954 году он издает сборник партитур для мужского хора песнопений Божественной литургии. В составе этого сборника было и три его сочинения⁶⁰.

Всю свою сознательную жизнь И.А. Гарднер вел дневниковые записи. С 1937 года они стали оформляться им как серии воспоминаний. Из различных биографических заметок, сопровождающих публикации И.А. Гарднера, ясно, что 20 января 1944 года «в результате бомбежки сгорела часть воспоминаний», текст которых позднее ему пришлось восстанавливать по памяти. С весны 1944 года он стал систематически заниматься этим, а с апреля 1945 года И.А. Гарднер, живя в Bad Reichenhall'e, на протяжении пяти последующих лет, все время свободное от трудов, приносящих заработок, стал посвящать исключительно работе с мемуарами. Из материалов собрания И.А. Гарднера, хранящегося в Нидеральтайхе, несомненно, самым существенным источником для его биографии, во всяком случае раннего ее периода, является рукописный мемуарный диптих *Ушедший мир* и *Море житейское*. Общий его объем составляет более 9 тысяч рукописных страниц размером примерно 15 на 21 сантиметр, исписанных весьма убористым и довольно сложным для чтения почерком. Рукописный материал дополнен photographиями, выполненными самим автором, иногда представляющими пересъемку иллюстраций различных изданий, и рядом схематичных изображений, сделанных им же от руки. Весь этот материал заключен в 12 переплетов⁶¹. Первая часть воспоминаний, озаглавленная автором *Ушедший мир*, создавалась на протяжении десяти лет. В конце основного текста чистовика 6-го тома стоит дата – 23 июня 1947 года. Как указывает И.А. Гарднер, в работе «были продолжительные перерывы, иногда больше, чем на год»⁶². По сути, все основные материалы биографического характера от даты рождения автора до 13 ноября 1920 года, дня, когда тот вместе с остатками армии Врангеля покинул Крым, содержатся в этом труде. Вторая часть воспоминаний, получившая название *Море житейское*, продолжает хронологический ряд событий жизни автора после прощания с родным крымским берегом и простирается до дня совершения над ним монашеского пострига 24 апреля 1931 года. Работа по написанию этой части воспоминаний была завершена 15 февраля 1950 года. В предисловии к 1-му тому *Моря житейского* автор высказывает предположение, что будет написана и третья часть воспоминаний *В объятиях Отчих* – повествование о его «жизни в священном сане». Касательно событий жизни И.А. Гарднера, не охваченных этими мемуарами, многое может сказать переписка, хранящаяся в его собрании. Ранние письма относятся к самому началу 30-х годов прошлого века, а поздние – к последним дням жизни Ивана Алексеевича. Как указывалось выше, объем этих писем велик. В нынешнем виде они представляют весьма ценный в источниковедческом отношении материал, нуждающийся в публикации. Важно отметить, что с появлением у И.А. Гарднера пишущей машинки всю свою корреспонденцию он стал печатать в двух экземплярах, оставляя для своего архива второй из них. А так как его послания подчас бывали весьма пространными и богатыми не только историческими, но и автобиографическими экскурсами, за что он часто извинялся перед адресатами, то всем интересующимся его биографией в силу этого обстоятельства оказана неоценимая услуга.

В 1954 году профессор Эрвин Кошмидер (1896-1977), возглавлявший кафедру славянского отделения философского факультета Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана, исходатайствовал для Ивана Алексеевича приглашение читать лекции о русском литургическом пении на своем отделении. В качестве лектора он приступил к занятиям в зимнем семестре 1954-55 учебного года, что позволило ему вместе с семьей перебраться на постоянное место жительства в Мюнхен. Став преподавателем университета и «контрактualным» сотрудником Баварской академии наук, он активно публикует свои работы по истории «безлинейной нотации» в нескольких немецких академических изданиях, часто принимает участие в международных научных симпозиумах. В 1965 году Мюнхенским университетом ему присваивается ученая

⁶⁰ См. *Материалы*. С. 106.

⁶¹ *Ушедший мир* – Т. 1-6 в 7 переплетах, всего 5498 с.; *Море житейское* – Т. 1-4 в 5 переплетах, всего 3696 с.

⁶² *Ушедший мир*. Т. 6. Предисловие.

степень доктора философии за работу *Проблема древнерусского демественного церковного пения и его безлинейной нотации*⁶³.

Однако научно-академические занятия не отодвигают на второй план интерес ученого и к истории богослужебного пения и к его практическому употреблению. Особо И.А. Гарднер сближается с теми, кто интересуется славянской церковно-певческой традицией. Среди его студентов оказывается молодой бенедиктинец выпускник Папского восточного института в Риме Ириной Тоцке (1932-2013). С 1955 года их связывает крепкая дружба. Радуюсь интересу, который в католической немецкой среде проявлялся к православной богослужебной традиции, Иван Алексеевич писал издателю своих гармонизаций и сочинений жившему в США протоиерею Николаю Веглайсу:

«Бенедиктинец, архимандрит о. Ириной Тоцке, великолепно перевел на немецкий язык некоторые песнопения из православного богослужения, гораздо лучше, чем это в самом начале нашего столетия сделал прот. [Алексий] Мальцев в Берлине. Кроме того, о. Ириной Тоцке, музыкально прекрасно образованный человек, тонкий знаток богослужения по восточному обряду – он служит на немецком языке, для немцев, а не для «сворачивания» православных, которых на 100 километров кругом не имеется. Он превосходно переложил для мужского хора несколько моих произведений, изданных у Вас, и приспособил их для мужского хора. Имея в своем распоряжении два превосходных мужских хора, он напел несколько моих произведений... на грамофонную пластинку к моему 80-летию»⁶⁴.

В аббатстве Нидералтайх, насельником которого на протяжении нескольких десятилетий до своей кончины являлся отец Ириной, с особым вниманием относились к И.А. Гарднеру. В 1973 году там было устроено празднование его 75-летнего юбилея. Во многом такое доброе отношение к ученому предредило дальнейшую судьбу его собрания, вошедшего единой коллекцией в состав библиотеки аббатства и получившего наименование *Gardneriana*.

Несомненно, *лебединой песнью* в творчестве И.А. Гарднера стали подготовка и издание принесшего ему известность на родине двухтомного труда *Богослужебное пение Русской Православной Церкви*⁶⁵. Пережив большинство своих сверстников, И.А. Гарднер умер на 86-м году жизни 26 февраля 1984 года и был погребен на кладбище *Waldfriedhof* в Мюнхене.

* * *

Отправляясь в июне 1930 года во время каникул на два месяца в Карпаты И.А. Гарднер получил своего рода «редакционное задание» от Н.П. Рклицкого⁶⁶, издателя и редактора выходившей в Белграде русской монархической газеты *Царский вестник*. В своих воспоминаниях в 1950 году он так свидетельствует об этом:

«Уже вскоре по приезде я написал статью в *Царский вестник* (как условился в Белграде с Н.П. Рклицким, очень интересовавшимся моей поездкой на Подкарпатскую

⁶³ Das Problem des altrussischen demestischen Kirchengesanges und seiner linienlosen Notation: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Ludwig-Maximilians-Universität zu München / Johann von Gardner. – München: Verlag Otto Sagner, 1967. – [6], XII, 270, [28] S. – (Slavistische Beiträge; Bd. 25).

⁶⁴ Письмо от 14 ноября 1978 года. – *Материалы*. С. 36-37.

⁶⁵ *Гарднер И.А.* Богослужебное пение Русской Православной Церкви. Т. 1: Сущность, система и история. – Jordanville (N. Y.): Holy Trinity Russian Orthodox Monastery: Типография преп. Иова Почаевского, 1978. – 567 с.; Т. 2: История. – Там же, 1982. – 605 с.

⁶⁶ Впоследствии архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон (1892-1976).

Русь) – первую из целой серии статей-корреспонденций, озаглавленных *Письма из Подкарпатской Руси*, с описанием моего путешествия от Белграда через Будапешт до Ладомировой. Эта статья-письмо вышла очень удачной. Следующее за ней было описание Миссии; я озаглавил ее *Цитадель Православия*. Статьи эти были напечатаны; вырезки с ними, наклеенные в специальную тетрадь, сгорели у меня в Берлине в 1943 году во время вражеского налета, но еще года [за] два до этого я переписал их вместе со всеми последующими моими статьями-письмами на машинке в трех экземплярах. Один из них остался в Глоггнице, другой присвоен моим вором-секретарем Игорем Зуземилем⁶⁷, а третий остался в подвалах берлинского собора и, вероятно, погиб. А жаль. Очерки эти вышли у меня очень удачными, яркими и восстановить их мне теперь, при ослабевающей уже памяти, трудно. А их стоило бы включить сюда, в мой рассказ; как написанные под живым и непосредственным впечатлением они, естественно, гораздо ярче и точнее были чем то, что я пишу сейчас, спустя 19 лет»⁶⁸.

Действительно, с августа по октябрь 1930 года первые девять «статей-корреспонденций» за подписью *И. Гарднер* под общим заглавием *Письма из Подкарпатской Руси* были напечатаны на страницах *Царского вестника*, причем первые три из них – еще до возвращения их автора в

Парень (легинь) въ русскихъ Карпатахъ.

Цетинскую семинарию. Каждая из публикаций имела свой номер и заглавие⁶⁹, а некоторые из них, были снабжены иллюстрациями⁷⁰. Но вслед за ними в № 114 от 19 октября появляется заметка, озаглавленная *От автора «Писем из Подкарпатской Руси»*. Вот ее текст:

«Выходящая в Америке русская газета «Русский вестник» перепечатала мои статьи, печатающиеся на столбцах «Царского вестника» – «Письма из Подкарпатской Руси». Перепечатка сделана с выделением отдельных фраз, подчеркиванием известных мест, с целью создать совсем другое впечатление, нежели я имел в виду у читателей.

⁶⁷ Впоследствии митрополит Венский и Австрийский Иринеи (1919-1999).

⁶⁸ *Море житейское*. Т. 4. С. 398.

⁶⁹ Письма из Подкарпатской Руси / И. Гарднер // *ЦВ*. – 1930. I. Несколько слов о Карпатской Руси. Первые впечатления. – № 104 (10 авг.). – С. 2; II. Пряшевская Русь. – № 105 (17 авг.). – С. 2; III. Цитадель Православия. – № 106 (24 авг.). – С. 2; IV. – № 107 (30 авг.). – С. 4; IV (sic). – № 108 (7 сент.). – С. 4-5; VI. – № 109 (14 сент.). – С. 3; VII. По лемковским степям. – № 110 (21 сент.). – С. 7; VIII. На родных могилах. – № 111 (28 сент.). – С. 7; IX. На восток – в Угорскую Русь. – № 113 (12 окт.). – С. 5-6.

⁷⁰ См., например, рис. Р. Лукина *Парень (легинь) в русских Карпатах* – *ЦВ*. – 1930. – № 109 (14 сент.). – С. 2.

Считаю своим долгом объявить, что *перепечатка сделана без моего ведома и согласия*, ибо я не имею и не имел никакого отношения к названной газете. Всякие подчеркивания сделаны исключительно редакцией «Русского вестника», которой я никаких прав на перепечатку, а тем более на редактирование, не давал. Я вынужден печатно протестовать против такого тенденциозного злоупотребления и моим именем, и моим произведением. *И. Гарднер. От редакции «Ц.В.»*. Означенная перепечатка сделана даже без ссылки на «Царский вестник» и, конечно, без всякого нашего ведома»⁷¹.

Остается лишь строить предположения относительно того, каким образом статьи, написанные для русской белградской газеты, были опубликованы почти одновременно другой русской газетой, выходившей в Питтсбурге (США)⁷². Этот факт находится в очевидной связи с неожиданным приостановлением более чем на 2 месяца печатания в *Царском вестнике* материалов, автором которых являлся И.А. Гарднер. Лишь в декабре выходит 10-я по порядку публикаций его статья о селе Иза, расположенном на Подкарпатской Руси⁷³, а затем, по прошествии полугода, еще один очерк, продолжающий серию прежних публикаций⁷⁴.

Что касается упомянутого И.А. Гарднером машинописного варианта статей-писем, который «вместе со всеми последующими» неопубликованными до настоящего времени очерками представляет полный вариант *Писем*, то, по крайней мере, один из трех упомянутых экземпляров, к счастью, сохранился. Когда, кем и при каких обстоятельствах он был возвращен автору не известно. Этот экземпляр, имеющий владельческие записи и отметки И.А. Гарднера на правой стороне форзаца (автограф «Библиотека И.А. Гарднера» и штамп «JOHANN v. GARDNER») хранится в составе собрания автора в библиотеке аббатства Нидералтайх. Текст *Писем* представлен авторской машинописью, выполненной в дореформенной орфографии на «папиросной» бумаге общим объемом 231 лист. Блок заключен в картонный переплет, обклеенный серым и желтым ледерином. На титульном листе напечатано: *Архимандрит Филипп (Гарднер). Письма из Подкарпатской Руси. Очерки*. Далее следуют 226 нумерованных листов с текстом, содержащим 18 очерков, имеющих собственные названия, и *Заключение*. В верхней части первого листа – карандашная помета автора: «Письма из Подкарпатской Руси. Очерки», далее – «шариковой» авторучкой: «Написаны в Вене, в 1942 году». В конце 226 листа: «Г. Вена. 18-III-1942». Следующие листы содержат оглавление (л. 227), перечень фотографий, иллюстрирующих текст (их нахождение не известно) и перечень машинописных работ И.А. Гарднера.

Особый интерес представляет подстрочное примечание, сделанное автором в начале 9-го очерка «Ужгород и Мукачево», касающееся публикации первоначального варианта очерков:

«Отсюда начинаются очерки, написанные вновь и не напечатанные. Опубликованные уже очерки окончены предыдущей главой («Святая Русь»)» (л. 75)⁷⁵.

Из этого примечания становится ясным, что полный объем машинописи представляет ранее опубликованный в 1930 и 1931 годах газетами *Царский вестник* и *Русский вестник* текст первых

⁷¹ От автора «Писем из Подкарпатской Руси» / И. Гарднер // *ЦВ.* – 1930. – № 114 (19 окт.). – С. 5. Текст приводится без разделения на абзацы.

⁷² См. еще одну публикацию в этом издании: Домашнее пение псалтири на Подкарпатской Руси (с нотными примерами) // *Русский вестник.* – Питтсбург, 1931. – № 12.

⁷³ Колыбель Православия на Карпатской Руси (Из путешествия по Карпатской Руси). / И. Гарднер // *ЦВ.* – 1930. № 122. (14 дек.). – С. 1-2.

⁷⁴ Письма из Карпатской Руси. Уния и русскость / *Иеромонах Филипп* // *ЦВ.* – 1931. – № 208 (15 июля). – С. 4; То же. (Продолжение) // *ЦВ.* – 1931. – № 209 (16 июля). – С. 3-4.

⁷⁵ Здесь и далее текст *Писем из Подкарпатской Руси* приводится «курсивом» по подготовленному нами к печати предварительному макету их предполагаемого издания. Каждая из приводимых цитат сопровождается указанием соответствующих листов машинописного оригинала.

восьми очерков (л. 1-74) и неопубликованный до сих пор текст остальных десяти очерков и *Заключения* (л. 75-226) *Писем из Подкарпатской Руси*.

Следует иметь в виду, что *параллельным повествованием* по отношению к *Письмам* является заключительная часть рукописных воспоминаний И.А.Гарднера. Все события – от выезда из Цетинья в Карпаты летом 1930 года до монашеского пострига в Изе, совершенного весной 1931 года, – отображены на страницах мемуаров, записанных их автором через 18 лет после напечатания машинописного варианта *Писем* в Вене⁷⁶. Кроме присутствия в рукописных воспоминаниях фрагмента, в котором говорится о событиях между возвращением автора из первого карпатского путешествия в августе 1930 года и последующим отъездом в Хуст в апреле 1931 года⁷⁷, эти «параллельные» тексты повествуют об одних и тех же событиях, но, несомненно, разнятся своей жанровой принадлежностью. Хотя их подробное сопоставление выходит за рамки настоящей публикации, отметим, что для детального понимания *Писем из Подкарпатской Руси*, как, впрочем, и всего многообразия православной жизни там, соответствующие фрагменты *Моря житейского* представляются весьма полезными и существенными. Так, многое из происходившего с автором *Писем* становится понятным лишь после прочтения фрагментов воспоминаний, говорящих о его беседах с героем и ветераном белого движения, бывшим в то время секретарем епархиального управления в Хусте, «русским полковником генерального штаба» С.Н. Ряснянским (1886-1976)⁷⁸, чье имя в машинописном тексте даже не упоминается.

Относительно «места действия» повествования *Писем* можно сказать, что очерки делятся на две части. В первой из них – с 1-го по 6-й очерк – речь идет о Пряшевской Руси, во второй – с

Пряшевская и Подкарпатская Русь

7-го по 18-й очерк – о Подкарпатской Руси. К числу упомянутых автором топонимов Пряшевской Руси относятся: реки *Лаборца*, *Сан*, *Ондава*, *Тиса*, города *Пряшев (Прешов)*, *Кошицы (Кошица)* и *Бардиов*, села *Вышний Свидник*, *Ладомирова (Владимирова)*, *Чертежное*, *Прикра*, *Красный Брод*,

⁷⁶ *Море житейское*. Т. 4. С. 348-740.

⁷⁷ *Море житейское*. Т. 4. С. 536-697.

⁷⁸ *Море житейское*. Т. 4. С. 410, 459, 467, 469, 470, 475, 489, 495-496, 514-515, 711-712, 714-717, 722-724, 729, 737-738.

местечко Межилаборцы, железнодорожные станции Легиня-Михаляны и Шаторско Ново Место (Шаторальяуйгель), вершина Маковица. Их заметно превосходят числом топонимы Подкарпатской Руси: реки Тиса, Ужа, Тербля, Тересва, Нод-Аг (Большой Аг), Латорица, города Ужгород (Унгвар), Мукачево (Мункач), Михаловец и Мараморош-Сигет (Сигот), городок Тячево, «скорее город, чем село» Хуст, Чернечья Гора, гора Дела, вершина Ясенева, села Берегово, Иза, Липша, Тербля, Сокорница (Сокирница), Велятин, Нанково, Горинчево, Великие Лучки, Бедевли, Шандрово, Ребрин, Палин, Монастырец, Березово и Нижня Быстра, поселок Городилов, соляные копи Акна-Слатина, железнодорожные станции Батево, Буитино и Чоп.

Особое внимание автором *Писем* уделяется монашеским обителям. Наряду с рассказом о жизни Братства преп. Иова Почаевского, где тон монастырских молитвы и трудов задавал архимандрит Виталий (Максименко, 1873-1960)⁷⁹, достаточно подробно говорится о других монастырях, находящихся собственно на Подкарпатской Руси. Среди них – упраздненный монастырь на *вершине Маковице, Краснобродский монастырь*, Рождество-Богородицкий девичий монастырь *около села Липши, Скит во имя Преображения Господня на реке Тербля*, афонская *пустынная келия св. Пантелимона за рекой у Хуста* и, даже, *базилианский монастырь у подножия Чернечьей Горы*. Важно, что автор *Писем*, повествуя о монашеской жизни в Карпатах, обозначает два ее «географических» полюса – Ладомирово и Хуст. Первый, как центр деятельного миссионерского служения, а второй, как более тяготеющий к возвышенным идеалам афонской аскетической традиции. Причем «ладомировское благочестие» явно не оказалось столь привлекательным для автора повествования, как он сам мог предполагать в начале своего путешествия в Карпаты. Собственно, как явствует из воспоминаний И.А. Гарднера, свое монашеское служение он решил начать не там, где думалось ему – в Ладомировой, а в Изском Свято-Никольском монастыре на Подкарпатской Руси, что представлялось для него более естественным. В одном из эпизодов, вошедших в *Письмо «Колыбель Православия на Подкарпатской Руси (село Иза)»*, автор «проговаривается» о своем стремлении обнаружить религиозные атрибуты *Святой Руси в ее северном варианте*. Иконы, оказавшиеся в «красном углу» в доме карпатороссов, воспринимаются им как знак причастности местного православного благочестия к *великорусской* духовной традиции:

«Передняя стена комнаты – вся в иконах. Но в противоположность Пряшевской Руси здесь не было ни одной иконы униатского издания, а лишь исключительно православные иконы: св. Василий Рязанский, на мантии переплывающий Оку, св. Артемий Веркольский, св. княгиня Ольга и др.» (л. 53).

Что касается людей, чьи портреты или хотя бы упоминания, дарит читателю *Писем* автор, то среди них есть известные деятели православия – архим. Виталий (Максименко), епископ Вениамин (Федченков), протоиерей Ириной Ханат (1857-1934), архим. Алексей (Кабалюк, 1877-1947)⁸⁰, ревнители просвещения – общественный деятель и писатель А.И. Добрянский (1817-1901), лингвист-этнограф Г.Ю. Геровский (1886-1959), историк искусств И.Э. Грабарь (1871-1960), простые сельские труженики – Василий Росоха и Дмитрий Сабов, насельники монашеских обителей – иеромонахи Серафим (Иванов, 1897-1987)⁸¹ и Мелетий (Рушак, 1902-1983)⁸², ученики и собеседники отца Филиппа – Ваня Шмыга, Михаил Хименец, Петро Демян. Их образы запечатлело его перо. Иногда это законченные «полотна», такие как литературный портрет епископа Вениамина, а иногда это всего лишь несколько слов, своего рода зарисовка, ярко и

⁷⁹ Впоследствии архиепископ Восточно-Американский и Джерсиситский.

⁸⁰ Прославлен Украинской Православной Церковью в лике святых, как преподобный в 2001 году.

⁸¹ Впоследствии архиепископ Чикагский и Детройтский.

⁸² Впоследствии схиигумен Лука.

точно, несмотря на свою лаконичность, передающая образ простого человека. Вот как пишет И.А. Гарднер о борце за право исповедовать православную веру Д. Сабове:

«Димитрий – типичный представитель боровшегося за православие поколения. Это крепкого сложения мужчина выше среднего роста, жгучий брюнет с пронизательными, немного задумчивыми карими глазами. Немного отпускает волосы, носит густую курчавую бороду, которую нигде не подстригает. Ходит в обычном крестьянском платье, всегда без шляпы и босиком. Говорит он, обдумывая каждое слово; бросит фразу – и помолчит. Изредка бросит на собеседника пытливым взгляд, держит себя просто, но с большим достоинством и спокойствием. Ему около 40-45 лет. Его рассказами о борьбе за православие можно было бы наполнить целую книгу: он – живая история этого движения. Приходилось ему скрываться в лесу, в пещере, на лесистой горе за рекой Нод-Аг... в то время, когда мадьяры после русского отступления... возвратили для православных времена инквизиции. Ну, скажите, разве не вспомнятся невольные времена христианской древности? А ведь это было всего только 10-15 лет тому назад» (л. 58-59).

* * *

Значительная часть *Писем* посвящена описанию национальных типов жителей Карпат 30-х годов XX века, времени перед Второй мировой войной. Среди народностей, упомянутых И.А. Гарднером в качестве местных жителей, – австрийцы, венгры (мадьяры), галичане, евреи, немцы, поляки, румыны, русины, русские, сербы, словаки, украинцы, цыгане и чехи. При этом русины делятся автором *Писем* по местам их поселения на «долинян» и «верховинцев», а по говору – на «лемаков», «лишаков» и гуцулов, чем воздается должное местной этимологии «само-наименований».

Говоря о расселении на территории Карпат собственно русинов, автор замечает:

«Население Марамороша состоит из русских («русинов»), которые делятся на долинян (жителей долин) и верховинцев (горцев). Дальше к востоку, в горном узле между Карпатами и Трансильванскими горами, при истоках Тисы, на самой границе Подкарпатской Руси и Буковины, живут гуцулы – смесь карпатороссов с северными румынскими и валахско-молдавскими племенами, с большой примесью галичан. В западной части Марамороша встречаются и мадьяры, но число их быстро падает по мере продвижения к востоку; здесь начинают появляться в небольшом количестве румыны, или, вернее, орумынившиеся карпатороссы. Есть несколько немецких сел, возникших здесь в царствование императрицы Марии-Терезии (XVIII век), но они вкраплены отдельными островками в громадную массу русского населения» (л. 87),

В другом же месте, сопоставляя этническую картину Пряшевской и Подкарпатской Руси, И.А. Гарднер пишет:

«Эта... часть называется Пряшевской Русью по имени города Пряшева, являющегося центром этой области. В то время как Подкарпатская Русь имеет более чистое русское население, в которое вкраплены мадьяры, в западной части русское население в значительной степени перемешано со словаками, исконными католиками... Эта часть называется „Лемковщина“, от частицы „лем“, которая значит „только“,

„лишь“, и население поэтому носит название „лемаков“, в отличие от более восточного населения „лишаков“, которые говорят „лишь“» (л. 2-3).

В отличие от первых шести очерков о Пряшевской Руси в последующих, посвященных Подкарпатской Руси, автор *Писем* со всей возможной скрупулезностью касается вопросов географии:

«Километров на 15 западнее долина Тисы выходит на Венгерскую низменность. Здесь сходятся границы трех государств: Чехословакии, Румынии и Венгрии. К востоку же долина Тисы очень медленно и постепенно суживается, и наконец километрах в 40 от Хуста переходит в живописное ущелье... Здесь сходятся в узле Карпаты и Трансильванские горы; дальше к востоку, на восточных склонах этого узла – уже Буковина, принадлежащая Румынии. Между Агом и истоками Тисы в последнюю впадают сбегаящие с Карпат реки Тербля и Тересва, протекающие по долинам. Весь этот край, самый восточный угол Чехословацкой республики, зажатый между Карпатами и Трансильванскими горами, по реке Тисе и ее северным горным притокам, называется Мараморошем. До Великой Войны 1914 года вся эта область находилась в безраздельном владении Венгрии, а главным городом этой области был довольно значительный... Мараморош-Сигот, отошедший по Версальскому договору к Румынии. С переходом Мараморош-Сигота к Румынии все учреждения по управлению той частью края, которая отошла к Чехословакии, перешли в Хуст, который таким образом сделался административным центром карпаторусского Марамороша. Собственно Мараморош начинается от станции Киральгаза (на линии Кошицы-Хуст-Ясеня), от которой идет к югу в Румынию железнодорожная линия на Галмей-Орадеа-Клюж-Брашов-Бухарест, около которой начинаются горы и между ними – долина Тисы; эта станция находится километрах в 15-17 к западу от Хуста» (л. 85-86).

Исторические экскурсии, которые делает И.А. Гарднер, могут показаться современному читателю, даже не имеющему специальной подготовки, устаревшими, а рассуждения, их сопровождающие, несколько доморощенными. Однако это не лишает их многих достоинств литературного повествования:

«Хуст – весьма древнее поселение. Еще во времена татарского нашествия в Хусте был важный замок, развалины которого до сих пор гордо царят над городом, запиравший вход в Венгерскую низменность. Замок этот был взят полчищами Батыея, о чем здесь сохранилось несколько легенд. И всегда, еще в те времена, здесь жил русский народ, правда, находившийся под властью, пришедших в эти края в VIII-IX-X веках угров – венгров. Здесь – самое сердце Подкарпатской Руси. И кто был в Ладомировой, в Ужгороде и в Мукачево и окрестных селах, но не побывал в Хусте, в Изе – тот не был на Подкарпатской Руси, не видел и не знает ее... Самое название Хуст, или, по другому произношению, Густ, происходит, по мнению некоторых исследователей, от слова «густе», что по здешнему наречию значит «густое». И действительно, район Хуста – это сгусток чисто русских сел, население здесь густое – «густе». И отсюда, можно думать, и произошло название Хуст» (л. 87).

Оставляя в стороне рассуждения общего характера, автор становится настоящим гидом-проводником для тех, кто на Подкарпатской Руси ищет все, что является необходимым в деле религиозного возрождения:

«В окрестностях Хуста уже нет чисто униатских сел; в большей части сел население состоит или исключительно из православных, или же, в худшем случае, к православию принадлежит 2/3 села, имеются села, где осталось всего лишь 3 семейства униатов. И опять-таки, на Марамороше наблюдается рост численности православного населения по мере продвижения на восток» (л. 86). «На Подкарпатской Руси вероисповедный вопрос не есть только вопрос чисто религиозный. Это есть в то же самое время вопрос и национальный, и социальный. Быть может, карпаторосс и не сознает даже социальный момент в своем религиозном движении, тем не менее, этот момент есть налицо и даже, судя по моим наблюдениям, в большой степени является причиной возникновения православного движения. В корне последнего, как мне пришлось неоднократно убеждаться, лежит не стремление карпаторосса к истине, не стремление вернуться к вере предков. Религиозность карпаторосса вполне бы удовлетворилась унией, католическим учением с православным чином богослужения. Карпаторосс искал другого: он искал утверждения в своей национальности, сохранения ее, а также и изменения своего социального положения – и в подсознании почуял в православии средство для этого» (л. 126).

Весьма интересными представляются этнолингвистические характеристики, сделанные И.А. Гарднером на Подкарпатской Руси:

«В то время как галичане говорят на старом русском (времен Петра Великого...) языке с большой примесью польских слов, карпатороссы говорят на том же старорусском языке, но с небольшой примесью мадьярских слов. В различных селах эта примесь бывает в различной степени: в более близких к городу мадьярских слов слышится больше, в более глухих – меньше. Эти мадьяризмы коренным образом отличают карпаторусское наречие от галицийского (полонизированного); это последнее и дало, как известно, так называемый украинский язык. Правда, карпаторосс, как и галичанин (и вообще малоросс), произносит букву „е“ как „і“ (например, „свет“ – „світ“), но зато во многих случаях (особенно на Марамороше) „о“, которое галичане произносят также как „і“ (например, „конь“ – „кінь“), карпатороссы произносят как „у“: „конь“ – „кунь“, „боб“ – „буб“, „восемь“ – „вусимь“ и т. д.» (л. 163).

Давая характеристику карпаторусскому наречию в отличие от украинского языка, И.А. Гарднер пишет:

«Не буду вдаваться в филологические тонкости, в этой области я не специалист, да и в мои задачи не входит исследование карпаторусского наречия. Мне только важно указать здесь именно на то, что карпаторусское наречие – вовсе не украинский язык, как думают некоторые. – „Ци ходила за орвошагом до патици?“ – спросит карпаторосс свою жену или дочь. Это значит: „Ходила ли ты за лекарством в аптеку?“ „Я ем дуже битежний та ходити до церкви не бирую“ – значит „я очень болен и не могу идти в церковь“. Я нарочно выбрал фразы, где особенно много мадьяризмов („орвошаг“ – „лекарство“, хотя говорят также „леки“, „патица“ – „аптека“, „битежний“ – „больной“). Но наряду с мадьяризмами на Марамороше, особенно в названиях сел, чувствуется еще память не только о мадьярском, но и о румынском влиянии, бывшем в этих краях довольно сильным в древности. Так, встречаются следующие названия сел: Апиша – от румынского „апа“ – вода, Торун – башня; западнее же Марамороша встречаются более мадьярские названия, как, например, Севлюш – шалаш, Домбоки – дубки, Горонда – мадьярское „геренда“ – от

славянского „гряда“, где малый юсы, ставшие в русском языке буквой „я“, сохранил в мадьярском память о носовом их произношении, как носовой дифтонг „-ен“. До самого последнего времени карпаторосс не слышал об украинском языке и называл свой язык „русским“, а русский литературный язык – „российским“» (л. 163-164). «Характерными для наречия остались окончания глаголов в неопределенном наклонении на -ти (например, „писати“, „ходити“), что придает языку карпатороссов своеобразную архаическую прелесть» (л. 165).

На протяжении всего повествования *Писем* автора тревожит «русский вопрос». Кто же русины в этнолингвистическом отношении – русские или украинцы? Или точнее – к кому из них они ближе? Опираясь на свои, более чем четырехлетние наблюдения, И.А. Гарднер приходит к такому выводу:

«Конечно, русскому из России, наслышавшемуся о том, что Подкарпатская Русь – уголок настоящей Руси, и потому ожидающему увидеть здесь нашего рязанского или тамбовского мужичка, предстоит разочарование. Ни рязанского, ни тамбовского, ни даже харьковского крестьянина он здесь не увидит. Он увидит совершенно особое русское племя – карпатороссов, или, иначе, угро-руссов. Такой россиянин, наслышавшись про Украину и украинцев-галичан, правда, склонен принять карпатороссов за украинцев, главным образом, из-за их своеобразного наречия. Многие даже смеивают карпатороссов с галичанами, не принимая во внимание многих отличительных черт последних. Галичане живут на северных склонах Карпат, а карпатороссы – на южных. Галичане всегда принадлежали Австрии и подверглись правительством последней сильнейшей обработке в украинском духе, с резко выраженными сепаратистскими относительно всего русского народа тенденциями..., карпатороссы же с незапамятных времен принадлежали Венгрии и подвергались не украинизации, а мадьяризации. Если галичан можно называть украинцами потому, что они живут на окраине, у самого края области расселения русского народа, то карпатороссов нужно назвать закарпатцами, ибо они всегда жили за рубежом русской государственности. Галиция, Червонная Русь, все же когда-то, в XII, XIII и даже еще XIV веке имела свою государственность, Карпатская Русь – никогда...» (л. 161). *«Карпаторосс вовсе не украинец, но он, конечно, и не великоросс, он – карпаторосс, угрорус, и как таковой член равноценный и равноправный в этническом отношении всем остальным ветвям великого русского народа, член с гораздо большим основанием, чем пермяк-зырянин...»* (л. 173).

Анализируя этнографическое и историческое тяготение карпатороссов к России, И.А. Гарднер приходит к такому выводу:

«Мое глубочайшее убеждение, сложившееся в результате долговременного пребывания и работы на Подкарпатской Руси, – что карпатороссы гораздо ближе к главной массе русского народа, к «россиянам», нежели к украинцам-галичанам» (л. 174).

Несомненно, к числу главных достоинств *Писем из Подкарпатской Руси* можно отнести пейзажные зарисовки автора, которыми он снабдил свои рассказы о горном крае. Читая его описания природы Карпат, невольно вспоминаешь прозу С.Т. Аксакова, чьи сочинения оказали огромное влияние на И.А. Гарднера, как на талантливого рассказчика и мемуариста. Вот строки, представляющие годовой цикл наблюдений за местами, с которыми он так сроднился за несколько лет:

«Чудны окрестности Хуста! Особенно хороши они ранним летом или поздней весной, хороши также и морозной многоснежной зимой. Я любил гулять со своими учениками весной, особенно в сторону Тисы, среди сочных зеленых лугов. Там встречались целые поля душистых нарциссов, и мальчики часто приносили мне их целыми корзинами, так что вся комната моя наполнялась ароматом. Хорошо было также ходить по тропинкам среди колосющихся цветущих зеленых нив в сторону реки Ага, шумящей по каменистому галечному ложу, прижавшейся к крутой и высокой горе, обросшей дубовым лесом. Какой дивный воздух, какой тонкий, еле уловимый аромат цветущей пшеницы! Как волнуется она, словно море! И как ясны дали, какие нежные, почти акварельные тона... А как хорошо зимой, когда снег ровной, слегка блестящей пеленой покроеет все, сгладит все неровности, и лишь горы с оголившимися на зиму лесами принимают серо-фиолетовый оттенок, да темной лентой, от которой клубится пар, извивается среди блестящей снежной долины Тиса! Какие дивные краски ложатся на природу ранним зимним морозным вечером! Солнце в виде медно-красного диска быстро опускается за горы на западе. Голые леса резкими силуэтами вырисовываются на горящем медью небе, а в белой долине, наполненной синеватым туманцем от испарений Тисы, которую редкий мороз может сковать льдом, ложатся фиолетовые тени. Рано еще, только 4 часа – а уже небо быстро темнеет, зеленеет, и в нем вдруг загорается одинокая яркая звездочка. А на западе быстро догорает небо; звезды начинают все быстрее и быстрее зажигаться одна за другой, и мороз крепчает. Снег хрустит под ногами, а дым из труб домов столбами валит к небу в недвижимом крепком морозном воздухе... И как хорошо бывает пройти по занесенному снегом городу, когда под ногами скрипит..., промерзнуть хорошенько и вернуться к себе в комнату, где весело гудит полная дров печка, распространяя вокруг живительное тепло! А какой мягкий, особенно мягкий свет льется утром от разрисованного морозными узорами окна по всей комнате – свет, отраженный широким, ровным и блестящим снежным покровом...» (л. 96-98).

А вот еще небольшая зарисовка-этиюд, которую хочется назвать «Вид из окна». В каждом слове автора здесь чувствуется опыт работы в области музыкальной композиции. Читающий эти строки невольно ловит себя на том, что он воспринимает уже не слова и фразы, а звуки и краски. Действительно посредством этого текста с нами говорит музыкант:

«На противоположной стороне улицы – небольшой домик с довольно чистеньким двором, где у самого забора стоит колодец с журавлем, плетеный сарайчик для сушки кукурузы; за ним огороды и пустыри, превращающиеся весной в чудный пестреющий цветами изумрудный луг. Фон картины составляет величественная замковая гора, вся покрытая лесом, с развалинами замка на вершине. И далеко-далеко за ней видны лесистые крутые горы за Тисой. Как чудно бывало ярким днем поздней весной или ранним летом, когда зелень еще так сочна и ярка! Откроешь, бывало, штору, раскроешь окно – и золотые солнечные лучи ворвутся в комнату вместе со свежим, полным ароматов зелени и цветущих акаций воздухом. Небо синее-синее, в нем плавают кудрявые облачка, словно сделанные из чеканного серебра, а замковая гора такая изумрудно-зеленая... Развалины на ней – светло-розовые, а дальние затисские горы тонут в голубой дымке воздуха. И даль так манит к себе... Не можешь налюбоваться яркости красок, чистоте воздуха, и так радостно, привольно делается на душе!» (л. 92-93).

Заканчивая свои очерки, подводя итог наблюдениям за жизнью Подкарпатской Руси И.А. Гарднер повторяет вопрос, стоявший перед ним еще в 1930 году, когда он отправлялся в первую свою поездку в Карпаты: «Мог бы я почувствовать себя в этом краю дома?» Другими словами, найдется ли в этом далеком краю та самая Русь, которая была потеряна им и тысячами его соотечественников? И отвечает на это в последних словах *Писем из Подкарпатской Руси*:

«Да, я на Руси. На Святой Руси... Это я ясно здесь почувствовал, как только прислушался к говору народа, как вошел к службе в сельский храм. Десятилетняя тоска по родной Руси рассеялась, сердце сказало: – Я на Святой Руси... В ней столько родного для русского сердца... Это не Великороссия, но это и не Малороссия, и никак не Галиция. Это совсем особый край. Нельзя требовать от него, чтобы он был такой, как наша Московская, Тамбовская, Харьковская или даже Екатеринославская губернии. Тогда Подкарпатская Русь перестала бы быть Подкарпатской Русью... В своих чаяниях слиться с великодержавным русским народом карпатороссы ни за что не хотели бы превратиться в великороссов, малороссов или украинцев... Дай Бог только, чтобы современные бури пощадили этот уголок Святой Руси... Птицей несетя поезд к западу, по долинам среди Высоких Татр, среди густой ночной тьмы, унося меня с Подкарпатской Руси в Вену. И чувствую я: частица меня самого осталась там, на востоке, на зеленых Карпатах, со всеми теми, кого я так тепло полюбил, в кого вложил частичку души своей... И поэтому-то я теперь так боюсь за милую мою Подкарпатскую Русь...» (л. 74, 225).

Сокращения

Божественная литургия = Божественная литургия святого апостола Иакова брата Божия и первого иерарха Иерусалимского / Переводчика, справщика и наборщика священноигумена Филиппа. – Владимирова: Книгопечатня преп. Иова Почаевского, 1938. – [2], 36 л. – На церковнославянском языке.

Материалы = Даниленко Борис, прот. Материалы к творческой биографии И.А. Гарднера (1898-1984). – М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата; München: Verlag Otto Sagner, 2008. – 324 с. Reprint in USA: Charleston, 2013.

ПКР = Православная Карпатская Русь: Церковно-народный орган православного движения на Карпатской Руси и Восточном Словенску (с 1930 г. ...на Карпатской и Пряшевской Руси) / Ред.-издатели прот. Всеволод Коломацкий, архим. Виталий (Максименко), Н.И. Бойко, игумен Серафим (Иванов). – Ладомирова (Владимирова), 1928-1940.

РНГ = Русский народный голос: Ежедн.-внепартийная газета / Отв. ред. Е.Л. Недзельский. – Ужгород, 1935-1938.

Русский вестник = Русский вестник: Орган соединения русских православных братств в Америке / Ред. Н. Пачута. – Питтсбург, 1929-1940.

Сообщения = Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского митрополичьего округа = Nachrichten und Beschlüsse des Orthodoxen Metropoliten Mitteleuropäischen Metropolitenkreises und Orthodoxen Bischofs von Berlin und Deutschland Seraphim. – Berlin-Chbg., 1942-.

ЦВ = Царский вестник: Орган народного движения за восстановление престола православного царя-самодержца / Ред.-издатель Н.П. Рклицкий. – Белград, 1928-1939.